

СМИРНОВА АНАСТАСИЯ

ВЫ НЕ
В МОЁМ ВКУСЕ,
РЕКТОР!

18+

Анастасия Смирнова

Вы не в моём вкусе, ректор!

«Автор»

2026

Смирнова А. А.

Вы не в моём вкусе, ректор! / А. А. Смирнова — «Автор», 2026

Адептка Аделина Лисицына — не просто студентка Академии Высших Рас. Она — ходячая катастрофа, человечка с мизерным магическим даром, но с поразительным талантом попадать в неприятности и острым языком, который, кажется, вот-вот её погубит. Тайная бумага с кровавой печатью, способная разрушить её жизнь, по роковой случайности оказывается в руках её заклятого врага. Ректор Дамиан Торн — высокий, широкоплечий, с глазами цвета грозового неба (в моменты ярости вспыхивает золотой огонь зверя) и репутацией самого сурового и притягательного мужчины в мире магии. Он — чистокровный Альфа, воплощение всего, что Аделина терпеть не может: абсолютная власть, безупречность и невыносимое чувство превосходства. Дамиан предлагает Аделине сделку — её безопасность и молчание в обмен на фиктивную помолвку — у нее не остается выбора. Теперь этой «катастрофе» и «идеальному Альфе» придется изображать безумную страсть перед всем миром, балансируя на грани между искренней ненавистью и обжигающим притяжением.

© Смирнова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Худший день в моей жизни?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анастасия Смирнова

Вы не в моём вкусе, ректор!

Глава 1. Худший день в моей жизни?

— Адептка Лисицына!

Громовой рык ректора Академии Высших Рас разнёсся по всему двору, заставив вздрогнуть даже каменные горгульи на крыше. Я замерла с куском булочки на полпути ко рту и медленно обернулась. Ну всё, приплыли.

Ректор Дамиан Торн стоял на ступенях главного корпуса, и вид у него был такой, будто он только что проглотил лимон. Целиком. Вместе с косточками и веточкой. Высокий, широкоплечий, с гривой иссиня-чёрных волос, стянутых в небрежный хвост, и глазами цвета грозового неба. От одного его взгляда у первокурсниц подкашивались колени, а у выпускников начинался нервный тик.

А я? А я его просто терпеть не могла.

— Да, ректор Торн? — пропела я самым невинным голоском, на который была способна, и спрятала булочку за спину. Не хватало ещё, чтобы он и её у меня отобрал. С него станется.

— Ко мне. В кабинет. Немедленно.

Он развернулся на каблуках своих начищенных до блеска сапог и скрылся в здании, оставив меня наедине с сочувствующими взглядами однокурсников. Моя лучшая подруга, эльфийка с дивным именем Ландыш, подскочила ко мне.

— Деля, что ты опять натворила? — прошептала она, округлив свои фиалковые глаза.

— Понятия не имею! — честно призналась я, дожевывая несчастную булочку. — Я сегодня была тише воды, ниже травы. Даже на лекции по зельеварению ничего не взорвала. Скукота!

— Может, это из-за того случая в библиотеке? Когда ты пыталась с помощью левитации достать «Запретные ритуалы оборотней» и уронила весь стеллаж на магистра теней?

— Пф-ф, это было на прошлой неделе! — отмахнулась я. — Он уже отошёл. Наверное.

Вздыхнув, я поплелась в логово зверя, морально готовясь к худшему. Кабинет ректора внушал священный ужас. Огромный, с высоченными потолками, стенами, заставленными древними фолиантами, и столом из чёрного дерева, за которым мог бы разместиться целый отряд гномов.

Ректор Торн стоял у окна, заложив руки за спину. Его идеальный профиль мог бы украсить любую монету, но я знала, какая язва скрывается за этой привлекательной оболочкой.

— Адептка Лисицына, — начал он, не поворачиваясь. Его голос был низким, бархатным, но с отчётливыми стальными нотками. — Вам известно, что в нашей академии обучаются представители самых знатных родов? Наследники престолов, дети верховных магов, альфы сильнейших кланов

— И я, — бодро вставила я. — Аделина Лисицына. Сирота, человечка с мизерным магическим даром. Лучшая на курсе по боевым искусствам и худшая по поведению. Что-то ещё?

Он наконец обернулся. Его серые глаза впелись в меня так, что по спине пробежал холодок. Но не от страха. От чего-то другого раздражающе-непонятного.

— Ваше чувство юмора когда-нибудь вас погубит, — закончил он, медленно обходя стол. — И, боюсь, это случится на моей территории.

Я прикусила губу, чтобы не ляпнуть что-нибудь вроде «так вы меня похороните под своим столом?». С ректором Торном шутки плохо заканчивались. Хотя, если честно, иногда мне казалось, что он просто ищет повод меня увидеть.

— Я получил отчёт от магистра зельеварения, — продолжил он, опускаясь в кресло. — В нём сказано, что вы пытались использовать нестабильный катализатор в учебной лаборатории.

— Это был эксперимент! — возмутилась я. — Научный!

— Это был взрыв, — сухо уточнил он. — И если бы не защитный купол, половина факультета сейчас пахла бы, как жареная лисица.

Я фыркнула. Ну да, фамилия у меня обязывающая, но не до такой же степени.

— И что теперь? Отчислите меня? — спросила я, скрестив руки на груди.

Он посмотрел на меня так, будто взвешивал варианты. Потом медленно покачал головой.

— Нет. Вы слишком полезны.

Слово повисло в воздухе, плотное и тяжёлое, как запах озона после грозы. «Полезны»? Я? Для него? Это было что-то новенькое. Обычно эпитеты в мой адрес варьировались от «невыносима» до «ходячая катастрофа».

Ректор Торн откинулся на спинку своего массивного кресла. Кожа тихо скрипнула под его весом, единственный звук в оглушительной тишине. Он медленно, почти лениво, соединил кончики пальцев, образуя острый шпиль. Его взгляд, тяжёлый и пронзительный, скользнул по мне с головы до ног, задерживаясь на растрёпанных рыжих волосах, на старенькой, но чистой форме, на сбитых носках моих боевых ботинок. Я почувствовала себя экспонатом под увеличительным стеклом. Неприятное, щекочущее ощущение заставило меня невольно выпрямить спину.

— Полезны? — переспросила я, и мой голос прозвучал чуть более хрипло, чем я рассчитывала. Я сглотнула, пытаясь унять внезапно пересохшее горло. — В каком смысле? Буду служить дурным примером для первокурсников? «Дети, не делайте так, как адептка Лисицына, а то станете сильными, независимыми и слишком саркастичными».

Уголок его губ едва заметно дёрнулся. Я была почти уверена, что это была попытка сдержать улыбку, но она тут же утонула в привычной маске ледяного безразличия.

— Ваше остроумие утомительно, адептка. Но речь не об этом.

Он расцепил пальцы и положил ладони на полированную поверхность стола. Я заметила, какими длинными и сильными были его пальцы, с ухоженными, коротко стриженными ногтями. На безымянном пальце правой руки тускло блеснул массивный серебряный перстень с чёрным ониксом, на котором был выгравирован оскалившийся волк. Знак главы клана. Знак Альфы.

— Как вам известно, через месяц состоится ежегодный Бал Пяти Кланов. Важнейшее политическое событие, на котором собираются главы всех ведущих родов оборотней, — его голос стал глубже, официальнее. Он говорил медленно, чеканя каждое слово, словно вбивая гвозди в крышку моего гроба. — В этом году честь принимать его выпала нашей академии.

Я молча кивнула, не понимая, какое отношение я, человечка-недоучка, имею к их великосветским волчьим игрищам. Я планировала провести этот вечер в библиотеке с книгой или в тренировочном зале с манекеном. Оба варианта были куда привлекательнее, чем толпа напыщенных аристократов.

— По традиции, ректор принимающей академии должен явиться на бал с парой.

Он сделал паузу. Я уставилась на него, и в моей голове медленно, как неповоротливая гусеница, начала формироваться чудовищная догадка. Нет. Не может быть. Это слишком абсурдно даже для моей, полной абсурда, жизни.

— И?.. — выдавила я, чувствуя, как сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться о рёбра, как пойманная в клетку птица.

Ректор Торн поднялся. Он двигался плавно, с хищной грацией, которая была присуща только ему. Обошёл стол, и каждый его шаг отдавался гулким эхом в тишине кабинета. Воздух вокруг него, казалось, сгустился, стал плотнее. Я невольно сделала крошечный шагок назад, упираясь икрами в ножку стула для посетителей. Он остановился всего в паре шагов от меня,

и теперь я была вынуждена задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо. С такого близкого расстояния его глаза цвета грозового неба казались ещё темнее, а в их глубине плясали серебристые искорки, похожие на далёкие молнии. От него пахло озоном, старыми книгами и чем-то неуловимо-диким, лесным.

— И моя пара, адептка Лисицына, по ряду деликатных причин не сможет меня сопровождать, — произнёс он, и его низкий голос вибрировал прямо у меня под кожей. — Поэтому эту роль исполните вы.

Тишина. Даже пылинки, танцующие в луче света из высокого окна, кажется, замерли. Я моргнула. Раз. Два. Информация медленно просачивалась в мой мозг, но наткнулась на стену глухого непонимания. Я? Его пара? На балу, кишашем оборотнями-аристократами?

Мой первый порыв — расхохотаться ему в лицо. Громко, истерично, до слёз. Второй — проверить, не подмешал ли мне кто-нибудь в утренний чай галлюциногенных грибов.

— Вы шутите? — прохрипела я, когда наконец обрела дар речи. Мой голос был тонким и неуверенным.

— Я никогда не шучу, когда дело касается репутации академии, — отрезал он. Его взгляд стал жёстким, как сталь. Он сделал ещё один шаг, сокращая дистанцию между нами до минимума. Теперь я могла разглядеть крошечный, почти незаметный шрам у него на брови и то, как тёмные ресницы отбрасывают тень на высокие скулы. — Вы пойдёте со мной на бал. Это не просьба. Это приказ.

— Но почему я? — мой мозг отчаянно цеплялся за логику, пытаюсь найти хоть какое-то рациональное зерно в этом безумии. — В академии сотни адептов! Красивых, знатных, с безупречной репутацией! Та же Изольда фон Клык, она же слюни на вас пускает с первого курса! Она оборотень, из древнего рода, она идеально подходит!

— Адептка фон Клык предсказуема. Как и любая другая, — его губы скривились в подобии усмешки, лишённой всякого веселья. — А мне нужна непредсказуемость. Мне нужен кто-то, кто не будет смотреть на меня с подобострастным обожанием. Кто-то, кто не принадлежит ни к одному из кланов и не будет втянут в их подковёрные интриги. Кто-то достаточно дерзкий, чтобы выглядеть естественно в роли той, кто не боится стоять рядом со мной.

Он протянул руку и кончиком указательного пальца коснулся пряди моих рыжих волос, выбившейся из хвоста. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым, но по моей коже пробежала целая армия мурашек. Я замерла, боясь дышать. Палец медленно скользнул вниз, очерчивая линию моей челюсти, и остановился у подбородка, слегка приподнимая его, заставляя смотреть прямо в его глаза-бури.

— Вы — идеальный кандидат, адептка Лисицына. Вы — моя головная боль. Моя личная катастрофа. И именно поэтому никто не поверит, что наш союз, — он произнёс это слово с особым нажимом, — фиктивен. Они решат, что я окончательно потерял голову. Это внесёт необходимое смятение в их ряды и даст мне свободу действий.

Я смотрела в его глаза и видела там холодный расчёт альфы, стратега, разыгрывающего сложную партию. А я была в ней всего лишь пешкой. Неожиданной, странной, но пешкой. И это злило. Злило до скрежета зубов.

Я резким движением отстранилась, разрывая контакт. Его рука замерла в воздухе на долю секунды, прежде чем он опустил её.

— Знаете что, Ваша Альфа-Светлость? — я скрестила руки на груди, пытаюсь унять предательскую дрожь. Не от страха, конечно. От возмущения. Исключительно от него! — Если я — ваша личная катастрофа, то вы сейчас добровольно подписываетесь на локальный Армагеддон. С доставкой прямо в вашу холостяцкую берлогу.

Он усмехнулся. Не той дежурной, лошенной улыбкой, от которой у доброй половины студентов нашей академии дружно подкашивались ноги, а настоящим, едва заметным хищным оскалом.

— Именно на это я и рассчитываю, Лисицына. Мне нужен хаос, в который поверят все. А хаос — это твое второе имя.

— И в чем же моя выгода? — я воинственно вздернула подбородок, отказываясь поддаваться магии его подавляющей ауры. — Быть красивой ширмой для ваших интриг? Ходячей мишенью для стаи обезумевших от ревности волчиц, которые спят и видят себя на месте вашей пары? Уж увольте. Я лучше пойду добровольно завалю сессию по боевой некромантии. Там шансов умереть в муках значительно меньше.

Он сделал шаг вперед. Медленный, текучий шаг истинного зверя, загоняющего строптивую добычу в угол. Пространство между нами снова катастрофически сократилось. Воздух сгустился, заискрился, и меня с головой накрыло запахом хвои, горького шоколада и морозной свежести — его личным, сбивающим с мысли ароматом.

— Твоя выгода, адептка, — его голос стал на октаву ниже, вибрируя и забираясь мурашками куда-то прямо под кожу, — в том, что если ты скажешь «да», я решу ту маленькую, но очень неприятную проблему с Советом Стай, о которой ты так старательно умалчиваешь. И никто не посмеет тронуть *мою* женщину. Даже фиктивную.

Я поперхнулась очередной заготовленной колкостью. Шах и мат. Откуда этот блохастый интриган, черт возьми, узнал?!

Сердце сделало болезненный кульбит и с глухим стуком врезалось в ребра. Воздух в его кабинете, до этого казавшийся просто тяжелым, вдруг приобрел плотность густой, застывающей смолы. Я судорожно втянула этот тягучий, пропитанный его запахом кислород, чувствуя, как мелко и часто подрагивают ноздри, пытаюсь отфильтровать аромат горького шоколада и хвои, который сейчас безжалостно подавлял мою волю.

Он стоял непозволительно близко. Расстояние между нами сократилось до жалких десяти сантиметров. Я видела, как медленно, в ритме его пугающе размеренного дыхания, натягивается и опускается ткань дорогой темной рубашки на широкой груди. Запонка на его левом манжете — тусклое старинное серебро с искусно выгравированным гербом его стаи — агрессивно блеснула, поймав косой луч предзакатного солнца. Этот луч с трудом пробился сквозь тяжелые, цвета перспелой вишни бархатные шторы. Ткань штор едва заметно колыхнулась от сквозняка, издав тихий, шелестящий вздох, словно комната тоже затаила дыхание.

Мои пальцы, до этого сжатые на груди в защитном жесте, нервно впились в грубую ткань форменной мантии адептки. Шершавые, жесткие нити неприятно царапнули влажные от волнения подушечки пальцев, но эта крошечная, отрезвляющая вспышка боли помогла мне не потерять связь с реальностью.

Страх. Липкий, обжигающе-холодный, он изворотливой змеей скользнул вдоль позвоночника, оставляя за собой ледяной след. Совет Стай. Те, кого до одури боялись даже самые отморозенные и безбашенные старшекурсники-некроманты. Если они узнают... точнее, раз *он* знает, значит, мои тайны больше не защищены.

Я вскинула взгляд, впиваясь прямо в его глаза. Золотистая радужка оборотня сейчас казалась почти черной от расширившегося зрачка, который чуть пульсировал в такт его мощному сердцебиению. В уголках его чувственных губ затаилась микроскопическая тень торжества. Он не улыбался. Это была едва уловимая мимика абсолютного хищника, который только что услышал спасительный хруст ветки под лапой загнанного оленя.

— Вы... — мой голос предательски дрогнул, сорвавшись на жалкий, сиплый шепот. Я судорожно сглотнула, чувствуя, как в горле пересохло, словно я проглотила горсть толченого мела. Мышцы гортани спазмировались от напряжения. — Вы блефуете.

Альфа медленно, словно у нас в запасе была целая вечность, а время вокруг остановилось, поднял правую руку. Его пальцы, длинные, с аккуратно подстриженными, но обманчиво безопасными ногтями, неумолимо потянулись к моему лицу. Я мысленно приказала себе

отшатнуться, закричала своим ногам сделать спасительный шаг назад, но мышцы словно налились пудовым свинцом.

Массивная подошва моих форменных ботинок будто намертво приросла к дубовому паркету. Доски под ногами сохраняли гробовое молчание, не издав ни единого скрипа.

Указательный палец оборотня невесомо коснулся моей щеки. Кожа к коже. От крошечной точки соприкосновения во все стороны по нервным окончаниям брызнули обжигающие искры статического электричества. Мелкие светлые волоски на моих предплечьях мгновенно встали дыбом. Его палец медленно, дразняще и мучительно долго скользнул вниз. Он очертил горячую линию моей скулы, прошелся по напряженной челюсти и властно остановился на подбородке.

Чуть усилив нажим, он заставил меня приподнять голову, отрезая малейшую возможность разорвать зрительный контакт. От его пальцев исходил невероятный жар, проникающий сквозь кожу прямо в кровь.

— Я никогда не блефую, Лисицына, — произнес он.

Каждое его слово падало в звенящую, густую тишину кабинета тяжело и веско, как свинцовые пули на стеклянный стол. Его горячее дыхание мягко коснулось моего лба, шевельнув выбившуюся из тугой косы прядь волос. Эта непослушная рыжая прядка скользнула по моей брови, щекоча кожу, но я не смела даже моргнуть.

— Документы из архива Восточной стаи, — его большой палец медленно погладил кожу на моем подбородке, отчего у меня внизу живота тугим узлом свернулось опасное, незнакомое напряжение. — Те самые, с печатями крови. Они лежат в моем сейфе.

Настольные часы из красного дерева, возвышающиеся на его массивном, заваленном картами столе, громко, металлически щелкнули, отсчитывая новую минуту. В наэлектризованной тишине этот звук прозвучал как оглушительный выстрел. Пылинки, лениво танцующие в луче света между нами, казалось, намертво застыли в воздухе.

Внутри меня с оглушительным треском рухнули остатки самообладания. Дикая смесь леденящей паники, жгучей, разъедающей обиды и бессильной, слепой ярости ядовитым коктейлем вскипела в моих венах. Мои губы плотно сжались, превратившись в одну тонкую, побелевшую линию. Зубы стиснулись с такой нечеловеческой силой, что тупо заняла нижняя челюсть.

Преодолевая липкое оцепенение, я резким, дерганым движением мотнула головой в сторону, грубо сбрасывая его обжигающие пальцы со своего лица. Его рука плавно, с грацией сытого зверя, опустилась вниз, не встретив и капли сопротивления.

— Шантаж, значит? — прошипела я, сузив глаза. Моя грудная клетка ходила ходуном, тяжелая ткань мантии громко шуршала при каждом судорожном, глубоком вдохе, который я делала в попытках успокоить бешено колотящееся сердце. — Идеальный кандидат, говорите?

Он чуть склонил голову набок, ничуть не задетый моей вспышкой гнева. Свет скользнул по его безупречно уложенным темным волосам, безжалостно выхватив несколько серебристых, седых нитей на висках — единственное свидетельство того бремени, что он нес как Альфа.

— Называй это как хочешь, моя личная катастрофа, — уголок его губ дрогнул, поднимаясь в полуулыбке. — Считай это... агрессивными дипломатическими переговорами. Итак. Твой ответ?

Моя правая ладонь сама собой сжалась в кулак с такой силой, что коротко подстриженные ногти болезненно вонзились в нежную кожу. Маленькие полумесяцы боли на ладони послужили отличным заземлением, не давая мне окончательно провалиться в бушующую бездну паники. Я сделала затылочный шаг назад. Подошва моего тяжелого форменного ботинка с глухим, коротким стуком опустилась на стык двух дубовых паркетных досок. Стыковое ребро чуть прогнулось, издав едва слышный сухой скрип старого дерева, потревоженного моим весом.

Этот шаг назад вернул мне иллюзию контроля над собственным телом. Я распрямила плечи, чувствуя, как под мантией натянулись швы форменного жилета, плотно облегающего грудную клетку.

— Дипломатические переговоры, — повторила я, выплевывая каждое слово, словно ядовитые семена дикой калины. — В моем мире это называется обыкновенным вымогательством, Ваша Альфа-Светлость.

Мой взгляд метнулся мимо его плеча к массивному двухтумбовому столу из мореного дуба, стоявшему в трех шагах за его спиной. На безупречно отполированной темной столешнице, покрытой тонким слоем лака, лежал тяжелый письменный прибор из зеленого змеевика. В его пазах покоилась массивная перьевая ручка со сверкающим золотым пером, а рядом высилась пузатая стеклянная чернильница. Солнечный луч, медленно уползающий к краю стола, преломился в гранях толстого стекла чернильницы, отбросив на разложенные бумаги дрожащий фиолетовый блик. Прямо под этим бликом лежал плотный, чуть пожелтевший пергаментный свисток с сургучной печатью — те самые бумаги Восточной стаи, о которых он говорил с такой ленивой уверенностью.

Я медленно перевела дыхание, заставляя свои легкие расправиться на полную мощность. Воздух со свистом прошел через мои стиснутые зубы. Напряжение в кабинете достигло такого пика, что казалось, протяни руку — и пальцы коснутся натянутой до звона невидимой струны.

Оборотень не шевелился. Он стоял, засунув руки в карманы безупречно отглаженных темных брюк. Под тонкой тканью его карманов угадывались очертания расслабленных пальцев. На его лице не дрогнул ни один мускул, но я видела, как в глубине его золотистых глаз, глубоко под маской невозмутимого стратега, плещется холодное, расчетливое любопытство. Он ждал. Он наслаждался каждым мгновением моей внутренней борьбы, зная, что все пути к отступлению перекрыты.

— У тебя ровно три секунды, Лисицына, чтобы принять единственно верное решение, — его голос прозвучал удивительно тихо, почти ласково, но от этой ласки по моей шее побежали колючие, ледяные мурашки.

Часы на каминной полке, словно повинувшись его воле, начали свой отчет.

Тик. Тяжелый латунный маятник качнулся влево, издав глубокий, металлический резонанс внутри деревянного корпуса. Я почувствовала, как по моей спине, прямо между лопаток, покатилась горячая, щекочущая капля пота. Моя челюсть сжалась еще сильнее, до глухого стука зубов.

Так. Маятник ушел вправо. Солнечный луч окончательно соскользнул со стола, оставив чернильницу в глубокой, холодной полутени. Комната мгновенно погрузилась в сумерки, и золотистые глаза Альфы вспыхнули ярче, отражая остатки дневного света, словно два тлеющих угля в затухающем костре.

Я сделала глубокий, резкий вдох, прикрыв на секунду глаза. В этой темноте перед мысленным взором мгновенно встали суровые лица старейшин Совета Стай и те страшные последствия, которые ждали меня, если эти документы окажутся в их когтистых лапах. Выбора не было. Он это знал. И я это знала.

Я открыла глаза и сделала один твердый, решительный шаг вперед, возвращаясь в его личную зону. Расстояние между нами снова сократилось. Я подняла правую руку, протягивая ее ладонью вверх — этот жест был одновременно и признанием поражения, и объявлением войны. Мои пальцы слегка дрожали от остаточного адреналина, но взгляд оставался ледяным и твердым.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как с этим словом из груди уходит остаток кислорода. — Ваша взяла, волчара. Мы сыграем в эту вашу фиктивную помолвку. Но запомните: если вы решите выйти за рамки нашего договора... я лично подсыплю серебряную пыль в ваш утренний кофе.

Он медленно вытащил правую руку из кармана брюк. Ткань брюк мягко зашуршала, расправляясь. Его широкая, горячая ладонь легла поверх моей дрожащей руки. Его пальцы, сухие и сильные, уверенно сомкнулись вокруг моих, сжимая их в крепком, почти болезненном замке. Это было не просто рукопожатие — это было клеймо, скрепившее нашу сделку.

— Договорились, — тихо произнес он, и на его губах наконец расцвела хищная, торжествующая улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.